

— Помню, конечно! — радостно ответил Ван Дачжуан. — В тот день у тебя был хороший аппетит. Я потом даже хотел ещё раз поймать для тебя змею, но их не так-то просто отыскать, да и такой большой мне больше не встречалось.

Юй Чанцин покачал головой:

— Не нужно больше ловить змей.

Ван Дачжуан растерянно заморгал.

— Почему? Разве тебе не нравится их мясо?

Юй Чанцин вздохнул, устало поясняя:

— Мне нравится не змеиное мясо, а то, что в той змее содержалась духовная энергия, которая полезна для моих ран.

— Вот как! — Ван Дачжуан просиял. — Тогда я ещё поищу... Хотя... Я ведь не могу определить, в какой змее есть эта... энергия.

Юй Чанцин знал, что объяснять это бесполезно, и потому сказал прямо:

— Завтра ты отведёшь меня туда, где поймал ту змею.

— Но там... там же нет змеиного гнезда... — замаялся Ван Дачжуан. — Что-то не так?

Он бросил взгляд на холодное лицо Юй Чанцина и сразу осёкся.

Юй Чанцин едва не рассмеялся от раздражения. Сдерживая себя, он низким голосом произнёс:

— Духовная энергия на той змее была из другого места. Там, где она часто бывает, может быть что-то духовное!

Ван Дачжуан, видя, что он разозлился, поспешно кивнул и начал успокаивать его, поглаживая по спине.

— Хорошо, хорошо, я всё понял! Я отведу тебя туда, не злись...

«Эх... Сяньцзюнь во всём хорош, только вот слишком уж вспыльчив. Дядюшка Ван Эршу

говорил, что гнев вредит здоровью, а он всё время злится, вот и здоровье плохое.»

* * *

На следующий день, едва свет начал пробиваться сквозь окна, Ван Дачжуан уже был на ногах. Он специально приготовил завтрак, настаивая, чтобы Юй Чанцин поел. Вчера тот потерял кровь, значит, нужно восполнить силы. Он даже добавил в рисовую кашу несколько крупных красных фиников.

Юй Чанцин застыл.

«...»

Как человек, привыкший к духовному питанию, он не находил пользы в обычной пище. Более того, он не любил сладкую кашу.

Но под настойчивым взглядом Ван Дачжуана Юй Чанцин был вынужден взять чашу и молча сделать глоток.

Ван Дачжуан обрадовался. Сам он сделал несколько больших глотков, и каша в миске тут же поубавилась наполовину.

Чтобы отвлечь Ван Дачжуана, холодный и отстранённый Почтенный Ханьян начал разговор:

— Дачжуан, ты ведь не с рождения живёшь в деревне Ван?

Ван Дачжуан чуть не подавился от неожиданности, что с ним заговорили первым:

— Почему ты спрашиваешь, Сяньцзюнь?

Юй Чанцин, как всегда, попал в самую точку:

— У тебя нет земли в деревне.

Ван Дачжуан проглотил еду, затем кивнул и улыбнулся:

— Верно, Сяньцзюнь, ты угадал. Мы с сестрой пришли сюда издалека, спасаясь от бедствий.

Юй Чанцин воспользовался моментом, чтобы поставить чашу, и поднял глаза, глядя на него.

Ван Дачжуан с лёгкой грустью продолжил:

— Я никогда не знал своих родителей. Меня с самого детства воспитывала сестра. С тех пор как я себя помню, мы живём в деревне Ван. Я почти ничего не помню, но сестра рассказывала, что мы долго скитались, прежде чем нас приютили. Жители деревни пожалели нас и отдали нам этот дом у самой окраины. Так у нас появился свой угол. Земли у нас нет, но деревенские всегда были добры к нам. Сестра научилась работать, и мы остались тут жить.

Юй Чанцин молчал, просто смотрел на него, ожидая продолжения.

Ван Дачжуан тихо вздохнул, затем снова улыбнулся и продолжил:

— Пока сестра была жива, мы жили тем, что она шила и выполняла любую работу, какая подворачивалась. У неё были умелые руки, она вышивала сложные и красивые узоры, даже лучшие вышивальщицы в городе не могли с ней сравниться. Нам жилось трудно, но мы не голодали. А потом... потом её не стало.

Юй Чанцин поднял руку и мягко положил её на колено Ван Дачжуана.

Тот почувствовал тёплую волну в груди и, не раздумывая, обхватил хрупкую, почти прозрачную кисть ладонями. Однако он боялся сжать сильнее, словно в его грубых руках оказалось нечто драгоценное и хрупкое, что могло рассыпаться в одно мгновение.

Юй Чанцин напрягся, его пальцы дёрнулись, готовые вырваться, но... он так и не сделал этого.

Возможно, печаль Ван Дачжуана тронула каплю сострадания в сердце холодного Почтенного Ханьяна. А может, он не хотел разрушать ту осторожность и трепет, с которой к нему прикасались. Или, возможно, причина была в чём-то другом.

Но так или иначе, Юй Чанцин, который никогда не позволял никому прикасаться даже к краю своей одежды, не двинулся с места, позволив Ван Дачжуану осторожно держать его руку.

<http://bllate.org/book/12569/1117906>